

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.82>

Емельянов Игорь Степанович

ДВОЙНИЧЕСТВО В РОМАНЕ ДЭНА СИММОНСА "ДРУД, ИЛИ ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ"

В статье изучается тема двойничества в романе американского писателя Дэна Симмонса "Друд, или Человек в черном". Задачей является исследование значения двойничества в романе, выделение основных проблем книги, в развитии которых эта тема играет ключевую роль. В статье подчеркивается связь романа с традициями английской и американской литературы и в то же время указывается самостоятельность Симмонса в разработке темы двойничества. В результате исследования выясняется, что обращение автора к викторианской эпохе и теме двойничества обусловлено не только интересом к этим социально-культурным феноменам, но также стремлением затронуть в романе актуальные социальные и философские проблемы общества и человека, добра и зла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/82.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 395-398. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.091

Дата поступления рукописи: 18.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.82>

В статье изучается тема двойничества в романе американского писателя Дэна Симмонса «Друд, или Человек в черном». Задачей является исследование значения двойничества в романе, выделение основных проблем книги, в развитии которых эта тема играет ключевую роль. В статье подчеркивается связь романа с традициями английской и американской литературы и в то же время указывается самостоятельность Симмонса в разработке темы двойничества. В результате исследования выясняется, что обращение автора к викторианской эпохе и теме двойничества обусловлено не только интересом к этим социально-культурным феноменам, но также стремлением затронуть в романе актуальные социальные и философские проблемы общества и человека, добра и зла.

Ключевые слова и фразы: двойничество; Дэн Симмонс; викторианство; Чарльз Диккенс; Уилки Коллинз; ненадежный рассказчик; двоимирие.

Емельянов Игорь Степанович, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
krzl@inbox.ru

ДВОЙНИЧЕСТВО В РОМАНЕ ДЭНА СИММОНСА «ДРУД, ИЛИ ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ»

Дэн Симмонс – американский писатель (1948 г.р.), хорошо известный не только у себя на родине, но и в других странах. Его произведения переведены на многие языки, в том числе и на русский. Всплеск новой популярности Симмонса связан с появлением романов писателя, опубликованных в начале текущего века. Наиболее известными из новых сочинений писателя стали три романа, опубликованные в период с 2007 г. по 2015 г.: «Террор» (2007), «Друд, или Человек в черном» (2009), «Пятое сердце» (2015). Все три романа опубликованы в переводе на русский язык в 2008, 2010, 2016 годах соответственно. Эти книги получили неофициальное название «викторианская трилогия». Действительно, три разных во многих отношениях романа объединяет, кроме прочего, то обстоятельство, что события разворачиваются в викторианскую эпоху, в середине-конце XIX века, а героями являются те реальные люди и вымышленные литературные персонажи, которые жили или были созданы творческим воображением писателей в этот период: участники полярной экспедиции Джона Франклина, писатели Чарльз Диккенс, Уилки Коллинз и Генри Джеймс, популярный сыщик Шерлок Холмс и другие.

Очевидно, что Симмонс не случайно снова и снова обращается в своих произведениях именно к этому историческому периоду. На материале представляющей нам безмятежной эпохи викторианства писатель поднимает проблемы, которые не чужды современности. В романах он не только создает своего рода портрет викторианства как культурного и психологического феномена, но анализирует на этом примере в том числе и проблемы современного общества, проблемы, связанные с вечным противостоянием добра и зла в мире и в человеке.

Следует отметить, что творчество Симмонса не часто привлекает внимание отечественных литературоведов. Среди работ, посвященных «викторианской трилогии», необходимо отметить статьи Е. А. Куликова [7-9]. Их автор, исследуя, в частности, национальную специфику творчества Симмонса, выделяет в романе «Друд, или Человек в черном» проблему «английскости», выражающуюся, например, в герое-чудаке, каким в романе представлен Диккенс, и в особом внимании к образу дома, то есть тому тщательно оберегаемому личному пространству, которое «является одной из главных составляющих английскости» [7, с. 129]. Как считает Е. А. Куликов, в основе создаваемой Симмонсом художественной реальности лежит использование «культурного и национального кода» [Там же, с. 126]. Иную позицию в оценке романа «викторианской трилогии» «Пятое сердце» занимает Т. Л. Селитрина, которая относит книгу к литературе «массового спроса», отмечает ее волонтеризм и клишированность, но в то же время признает несомненное беллетристическое мастерство писателя [13]. При этом оба исследователя выделяют и укорененность его книг в традициях мировой классики, и тот интерес к классическому наследию, который они пробуждают у читателя. Таким образом, изучение творчества Д. Симмонса представляет **актуальную** литературоведческую задачу. В нашем кратком исследовании затронут аспект двойничества в одном из романов «викторианской трилогии» Дэна Симмонса, который, как показывает изучение научной литературы, еще не привлек достаточное внимание отечественных исследователей. **Целью** нашей работы является исследование темы двойничества в романе Д. Симмонса «Друд, или Человек в черном» как элемента образной системы произведения. Соответственно, **задачи** заключаются в исследовании феномена двойничества в системе персонажей произведения, в изучении его значения в фабуле романа, в прояснении роли двойничества и двоимирия в создании художественного пространства книги.

Романы Дэна Симмонса из его «викторианской трилогии» сложно отнести к какому-то строго определенному жанру – историческому, фантастическому, мистическому и т.д. И дело здесь не только в пресловутом постмодернизме, поэтика которого, безусловно, близка автору. Постмодернистская «игра» с прошедшей эпохой содержит в себе размышления писателя о человеческом обществе и человеке. При этом Симмонс, на наш взгляд, в большой степени остается привержен традиционному гуманизму, однако выражает свои убеждения в форме современного постмодернистского текста.

Эти особенности проявляются в романе «Друд, или Человек в черном», в котором автор создает мир своего рода «игры» с викторианской культурой. Примечательно, что ключевыми элементами этого мира становятся двойничество и связанное с ним двоимирие. Следует отметить, что тема двойничества традиционна

для американской и английской литературы, достаточно назвать такие классические тексты, как рассказы Э. А. По «Вильям Вильсон» и Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», роман Ч. Диккенса «Повесть о двух городах» и т.д. Примечательно, что в английской литературе тема двойничества ярко проявляет себя именно в викторианскую эпоху. Внешне упорядоченная, ясно очерченная, не допускающая двусмысленности в сфере морали, реальность викторианства оборачивается у того же Стивенсона своей темной, пугающей стороной. Таким образом, появление темы двойничества в романах «викторианской трилогии» не случайно, а является важным элементом создаваемого писателем «портрета» эпохи.

Феномен двойничества давно привлекает внимание литературоведов и культурологов. Среди основополагающих необходимо назвать идеи М. М. Бахтина [2], Н. Я. Берковского [3]. Двойничеству как литературному архетипу посвящена работа С. З. Агранович и И. В. Саморуковой [1]. Двойничество изучается и в монографиях, посвященных творчеству отдельных писателей [11]. Исследователи отмечают чрезвычайно широкую трактовку понятия «двойник» и феномена двойничества в литературоведении. Как отмечается в обзорах современных научных работ по двойничеству, оно «легко опознается и все более активно эксплуатируется в культуре последних столетий, но не становится устойчивым мотивом, не предлагает исследователю спасительную комбинацию формул» [5, с. 244]. В попытке избежать неопределенности применяют концепцию П. М. Бицилли, согласно которой двойник «это прежде всего тот, в ком герой узнает самого себя. Главным критерием двойничества признается видение себя в другом» [цит. по: 10, с. 227]. Этот критерий, как показано А. Михалевой на примере романов Достоевского, принципиально важен для построения сюжета и выбора, осуществляемого героем романа: двойники «демонстрируют ему разные варианты его пути» [Там же, с. 231]. Феномен двойничества связан с феноменом самозванства, которое порождает «суеверный страх и тайна власти» [12, с. 29]. Двойничество, таким образом, становится «способом осуществления самозванства» [Там же]. Наконец, новое звучание двойничества получает в литературе постмодернизма, где оно становится «значимым фрагментом ироничного саморефлексивного текста» [4, с. 164], выявляя глубокую исповедальность «расщепленного» сознания. В литературе XX века сам феномен двойничества, таким образом, подвергается серьезной философской и культурной трансформации, уступая место феномену множественности, что «позволяет тексту обращаться в игровой форме к ключевым вопросам эпохи, к которым относятся проблема внутренней и внешней расщепленности человеческой личности, проблема взаимосвязи реальности и литературы, литературного творчества в целом, а также проблема отношений Человека и Истории» [6, с. 112].

Роман «Друд, или Человек в черном» буквально пронизан двойниками. Едва ли не всё в книге – персонажи, сюжетные коллизии, пространство – так или иначе обнаруживает как своего двойника, так и проявляет двойственность своей природы. В центре книги два писателя – Чарльз Диккенс и Уилки Коллинз, то есть двойники по роду деятельности. По мере развития повествования Коллинз из друга, почитателя и в каком-то смысле ученика Диккенса становится его соперником, врагом, а затем и потенциальным убийцей, страстно желающим смерти создателю «Пиквикского клуба». Если в начале романа Коллинз осознает и признает, пусть и неохотно, но иногда с восхищением, превосходство Диккенса, то постепенно им овладевает зависть к гению, смешанная с тем же восхищением и желанием доказать и утвердить собственную значимость. В этом отношении Коллинз выступает не только как двойник, но именно как самозванец, осуществляющий, как ему кажется, предназначенное самой судьбой.

Фабула романа Симмонса выстроена таким образом, что события в жизни Уилки Коллинза, как в зеркале, отражают жизнь гения английской литературы. Например, оба писателя переживают непростые отношения в семейной жизни – Диккенс разводится со своей женой, Коллинз удаляет из дома многолетнюю сожительницу. Однако в этих житейских обстоятельствах проявляется разница между ними. Диккенс – и это становится очевидным во время чтения романа – переживает настоящую душевную драму в отношениях с женой и Эллен Тернан. Симмонсу удастся показать глубину этой личной драмы. А вот Коллинз выступает в своих отношениях с Кэрлайн Грейвс и Мартой Радд как расчетливый и бесчувственный эгоист, попросту избавляющийся от надоевшей многолетней сожительницы и отдающий предпочтение менее обременительной связи с молодой любовницей. Контрастное противопоставление Коллинза и Диккенса последовательно проводится Симмонсом на протяжении всего романа, и каждый раз Коллинз, так или иначе, оказывается не более чем бледной копией, слабым подражанием гению. Коллинз в этом смысле – двойник Диккенса, но двойник, лишенный главных качеств своего друга-соперника, а именно гениальности и «подлинности». Там, где у Диккенса обнаруживаются глубина и трагедия, ощущение собственного несовершенства и преодоление своих слабостей, там Коллинз проявляет самолюбование, эгоизм и самооправдание.

Коллинз, выступающий повествователем в романе, не менее важный герой книги, чем Диккенс, более того, мы видим Диккенса именно глазами Коллинза, знаем суждения Коллинза о нем. Однако чем далее продвигается повествование, тем все менее и менее точка зрения Коллинза совпадает с читательской. И дело здесь не только в том, что читатель начинает подозревать безумие повествователя, то есть не только в использованном Симмонсом приеме «недостовверного рассказчика». Роман, построенный как своего рода «воспоминания» Коллинза, становится в процессе разворачивания сюжета саморазоблачением Коллинза. Он, так гордящийся своим смелым, нестандартным для викторианской эпохи образом жизни, свободой и независимостью, непредвзятостью суждений, в результате оказывается тем, к кому вполне приложимо определение «филистер». Коллинз оказывается человеком, который на самом деле следует общественным нормам морали, строгому кодексу поведения, разделяет предубеждения и предрассудки викторианства. Для Коллинза слишком важно мнение общества о нем, в этом отношении его свобода оказывается чрезвычайно ограниченной, замкнутой в кругу близких ему людей. Он, как это ни парадоксально, оказывается в результате большим конформистом, чем Диккенс, он в целом более мелок, мелочно расчетлив и гораздо более эгоистичен,

чем Диккенс, которого сам Коллинз не раз упрекает в эгоизме. Таким образом, один из уровней разворачивающегося в романе конфликта двойников – это конфликт гения и заурядности. При всем внешнем несоответствии образа жизни Коллинза викторианской морали и этике, он все же является конформистом, так как его образ мыслей и тот образ себя, который он представляет для общества, – все это так или иначе соответствует требованиям викторианства. Коллинз вообще чрезвычайно заботится о соблюдении «приличий», тонко чувствует социальные границы внутри викторианского общества и ведет себя по отношению к людям, прежде всего, в соответствии с ними. И в этом он снова отличается от Диккенса, который оказывается более свободным, более искренним в своих поступках, который руководствуется в жизни и в отношениях с другими людьми не только трезвым расчетом, примером чему является любовь к Эллен Тернан.

Тема зла и противостоящего ему человека поставлена Симмонсом в центр романа «Террор» и своеобразно продолжена в анализируемом романе. В нем воплощением зла становится Друд – персонаж столь же реальный, сколь и иллюзорный, до самого финала романа остающийся загадочным. Но вот воплощаемое им зло реально вполне. В романе Симмонса явственно звучат «фаустовские» мотивы, обыгрывается ситуация договора с дьяволом. Именно таким образом разворачиваются отношения Друда с английскими писателями Чарльзом Диккенсом и Уилки Коллинзом: они должны стать его певцами, его рабами и тем самым продать свой талант и свою душу. Коллинз в полной мере становится жертвой Друда, он практически лишается индивидуальности, он полностью поглощен силой зла. Ему, как продукту викторианства и конформисту, не хватает внутренней силы и независимости, он неспособен к противостоянию. Подчиняясь злу, Коллинз совершает преступления, пусть, возможно, и воображаемые, и на самом деле готовится совершить убийство Диккенса. А вот последний, несмотря на все свои недостатки, обладает полнотой человеческой независимости, а потому способен противостоять злу, способен выйти за пределы личного жизненного опыта, способен сочувствовать другим людям, чего фактически не может Коллинз.

Следует отметить, что Симмонса в его «викторианской трилогии» вообще привлекает «заурядный» человек, подчеркнута «средний» даже по меркам формировавшегося в условиях викторианской эпохи среднего класса. В центре романа «Террор» оказываются такие персонажи, как капитан Ф. Крозье, который с точки зрения общества является вполне заурядным, и доктор Гудсир, не менее заурядный в глазах общества, а в начале романа даже и в своих собственных. В романе «Друд, или Человек в черном» Уилки Коллинз, писатель и эстет, парадоксальным образом выступает в качестве «квинтэссенции» викторианской заурядности. В «Терроре» и «Друде» упорядоченный, добродетельный мир викторианства находит своего антипода в персонаже, воплощающем зло, таинственным, ужасающим и в то же время величественным. Симмонс показывает два возможных пути героев при столкновении со злом. Для Крозье и Гудсира в «Терроре» – это путь к познанию самих себя, своих возможностей, а для капитана Крозье – это также путь к открытию возможности жизни за пределами границ, предлагаемых ему викторианским обществом. Для Уилки Коллинза столкновение с мистическим злом оборачивается потерей собственной индивидуальности и безумием. Он становится не столько жертвой зла, сколько жертвой лицемерного и ханжеского викторианства. Именно привычный внутренний конформизм приводит героя романа к тому, что проецируемое Друдом зло полностью захватывает его воображение, помыслы, а затем и деяния.

Важность темы двойничества в романе подчеркивается тем, что двойников в романе несколько. Так, Уилки Коллинз, который выступает как двойник Диккенса, его бледное и несовершенно подобие, имеет и своего собственного, так сказать, персонального двойника, своего мистера Хайда, «второго Уилки», как он сам его называет. Появление «второго Уилки» подчеркивает усугубляющееся раздвоение, «расщепление» личности Коллинза и в то же время усиливает впечатление «ненадежности» рассказчика. Практически до конца повествования читатель и в какой-то мере сам рассказчик не могут быть абсолютно уверены в достоверности происходящих событий и в реальности предлагаемой интерпретации этих событий. Некоторые из персонажей книги, будучи тоже своего рода двойниками, соединяются в единого персонажа, таковы, например, сыщики Филд (еще одна отсылка к реальному лицу и герою очерка Диккенса) и Реджинальд Баррис, сливающиеся в сознании повествователя в нечто целое.

Тема двойничества разворачивается в тему двоемирия в пространстве романа. Симмонс погружает события в подземную часть Лондона, в Подземный город, который, как с удивлением обнаруживает повествователь впоследствии, имеет свою параллель в Городе-над-городом, так как тайная и зловещая деятельность Друда разворачивается и на высоте лондонских крыш. Таким образом, само пространство викторианского Лондона как бы отражено в двойном зеркале, но в этом смысле и своеобразно замкнуто в кольцо Зла, ибо подземный Лондон и Лондон чердаков и крыш действительно есть отражения друг друга.

Еще один аспект темы двойничества в книге связан собственно с сюжетом романа. В нем содержатся многочисленные отсылки к классическим текстам двух главных героев повествования – Диккенса и Коллинза. В частности, к незаконченной последней книге Диккенса «Тайна Эдвина Друда», что проявляется как в имени главного антагониста романа, так и в сюжетной линии, связанной с исчезновением Эдмонда Диккенсона (еще одно «отражение» двойников, теперь уже связывающее фамилии Диккенс и Диккенсон, имена Эдвин и Эдмонд). Однако наиболее заметны в романе сюжетные параллели с шедевром самого Коллинза – романом «Лунный камень». Подобно герою своего знаменитого романа Фрэнклину Блэку, Коллинз становится жертвой собственной самоуверенности, преувеличенного, но неглубокого рационализма. Этот рационализм, связанный с развитием науки в эпоху викторианства, соседствует с увлечением иррациональным, сверхъестественным. Коллинз и Диккенс оба увлечены феноменом гипноза и месмеризмом. Коллинз, таким образом, повторяет путь своего героя из романа «Лунный камень», действуя под влиянием гипноза, о котором сам не подозревает. Это придает повествованию те качества, на которые обращают внимание многие

читатели: оно строится на границе между реальностью и иллюзией, и сознание Коллинза к финалу книги окончательно запутывается в коридорах одурманенного опиумом и гипнозом воображения.

В чем же заключается замысел автора, использующего столь причудливое, даже изощренное повествование? Очевидно, что не только демонстрация повествовательного мастерства, филигранно сплетающего в плотную ткань вымыслы и явь, интересовала Симмонса. На наш взгляд, ключевым в данном отношении является один из заключительных эпизодов книги, в котором Чарльз Диккенс сообщает Уилки Коллинзу о сеансе гипнотического воздействия, о том, что Друд и все с ним связанное – это не более чем внушенная под гипнозом иллюзия. Однако признание Диккенса не разрушает наваждения, так как разум Коллинза к финалу романа окончательно погружается в этот иллюзорный мир. Следует обратить внимание на то, как описан Диккенс в этот момент: «И он плакал. Неподражаемый плакал посреди зеленого поля...» [14, с. 847]. Таков финал одной из центральных проблем книги – проблемы «сна разума», который порождает чудовищ. Здесь можно отметить параллели с романом У. Эко «Маятник Фуко», где из интеллектуальной шутки проистекают трагические последствия. Симмонса, несомненно, волнует вопрос об ответственности художника: не от сознания ли собственной вины плачет Диккенс, глядя на обезумевшего товарища? «Своего рода эксперимент», как называет гипнотическое воздействие Диккенс, обернулся для Коллинза самыми мрачными и разрушительными последствиями. «Заурядная» натура Коллинза в результате стала жертвой викторианской ограниченности, не выдержала испытания выходом за пределы той меры мировосприятия и опыта, которую лимитировало викторианство. Для героя «Террора» Ф. Крозье выход за пределы викторианского общества и викторианства как культурного и социального феномена открывает возможность для «пересоздания» самого себя, для нового жизненного опыта. У. Коллинз, несмотря на весь свой внешний «нонконформизм», есть прямой продукт викторианской морали, викторианского образа жизни, викторианства как социально-культурного явления. Открывающийся за пределами комфортного для него мира опыт оказывается губительным, Коллинз не может противостоять злу.

Таким образом, двойничество в романе Дэна Симмонса «Друд, или Человек в черном» является одним из важнейших элементов его образной системы. Тема двойничества заявлена на всех уровнях текста, она проявляется в системе персонажей книги, играет важную роль в развитии фабулы, формирует своеобразное двоемирие пространства романа. Постмодернистская «игра» с интересовавшим писателей-викторианцев феноменом двойников дает Симмонсу возможность не только воссоздать социально-культурный фон эпохи, но и поставить важные проблемы взаимосвязи общества и человека, борьбы добра и зла, которые остаются актуальными и в наше время.

Список источников

1. Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. Самара: Самарский университет, 2001. 132 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-1970-х гг. 800 с.
3. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
4. Джумайло О. А. Двойничество персонажей как ресурс постмодернистской исповедальности: роман Мартина Эмиса «Информация» // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 6 (12). С. 163-171.
5. Джумайло О. А. Новые книги о двойничестве // Практики и интерпретации. 2017. Т. 2. № 1. С. 243-256.
6. Досковская М. С. Двойничество как форма игры в романах Раймона Кено «Голубые цветочки» и «Зази в метро» // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 10 (50). Ч. 2. С. 105-113.
7. Куликов Е. А. Национальная специфика в восприятии Дэна Симмонса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 126-130.
8. Куликов Е. А. Полярная экспедиция в условиях викторианской Англии: «Террор» Дэна Симмонса как антиджентльменский роман // Бюллетень научных студенческих обществ Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 7. С. 44-49.
9. Куликов Е. А. Функции документа в романе Дэна Симмонса «Террор» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 171-176.
10. Михалева А. А. Герой-двойник и структура сюжета // Новый филологический вестник. 2006. № 2 (3). С. 227-231.
11. Осьмухина О. Ю. Художественное своеобразие прозы В. В. Набокова. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2014. 177 с.
12. Поддубная Р. Н. Двойничество и самозванство // Достоевский. Материалы и исследования: сборник статей. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 28-40.
13. Селитрина Т. Л. Биография и псевдобιοграфия Генри Джеймса в романе Дэна Симмонса «Пятое сердце» // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. № 3 (53). С. 215-221.
14. Симмонс Д. Друд, или Человек в черном: роман / пер. с англ. М. Куренной. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017. 928 с.

DOUBLE-GANGER IN THE NOVEL “DROOD, OR THE MAN IN BLACK” BY DAN SIMMONS

Emel'yanov Igor' Stepanovich, Ph. D. in Philology
M.K. Ammosov North Eastern Federal University, Yakutsk
krzl@inbox.ru

The article considers the double-ganger theme in the novel “Drood, or the Man in Black” by the American writer Dan Simmons. The paper aims to examine the importance of the double-ganger in the novel, to identify the basic problems closely associated with this theme. The researcher discovers the interrelation of the novel with the English and American literary tradition and simultaneously emphasizes Simmons’s original interpretation of the double-ganger theme. The findings lead to the conclusion that the writer’s appeal to the Victorian epoch and the double-ganger theme is conditioned not only by his interest in these socio-cultural phenomena but also by his intention to tackle relevant social and philosophical issues, problems of good and evil, human being and society.

Key words and phrases: double-ganger; Dan Simmons; Victorianism; Charles Dickens; Wilkie Collins; unreliable narrator; dual world.